

1001 ночь.

Рассказ об Исхаке Мосульском и слепце

Рассказывают также, о царь, что Исхакибн Ибрахим, Мосулец, говорил: "Однажды вечером был я у себя в доме, а случилось это в зимнее время, и развернулись облака, и дожди громоздились друг на друге и капали, словно из дыр бурдюков. И отказался шедший и приходящий ходить по дорогам из-за дождей и грязи, и у меня стеснилась грудь, так как не приходил ко мне никто из друзей и я не мог к ним пойти из-за большой грязи и слякоти. И я сказал слуге: "Принеси чего-нибудь, чем бы я мог заняться". И он принес мне кушаний и напитков, но они показались мне горькими, так как не было со мною никого, кто бы меня развлек, и я все время выглядывал из окон и смотрел на дороги, пока не пришла ночь. И тогда я вспомнил невольницу, принадлежавшую одному из сыновей альМахди [580] которую я любил (а она умела петь и извлекать звуки из музыкальных инструментов), и сказал себе: "Если бы была она сегодня вечером у нас, моя радость была бы полной и сократились бы ночь, думы и беспокойство". И вдруг кто-то постучал в ворота и спросил: "Войдет ли любимый, что стоит у дверей?" И я сказал себе: "Может быть, дерево желания принесло плоды?"

И я подошел к воротам, и вдруг оказалось, что это моя подруга и на ней был зеленый плащ, в который она завернулась, а на голове парчовая повязка, предохранявшая от дождя. И она до колен утопала в грязи, и вся ее одежда пропиталась водой из сточных труб, и была она как бы вылита в дивной форме [581].

"О госпожа моя, – спросил я ее, – что привело тебя в такую непогоду?" И девушка ответила: "Твой посланный пришел ко мне и описал, какова твоя любовь и тоска, и мне оставалось только поспешить к тебе". И я удивился этому..."

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот девяносто шестая ночь

Когда же настала шестьсот девяносто шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда девушка пришла и постучала в ворота Исхака, он вышел к ней и спросил: "О госпожа, что привело тебя в непогоду?" И девушка ответила: "Твой посланный пришел ко мне и описал, какова твоя любовь и тоска, и мне оставалось только поспешить к тебе".

"И я удивился этому, но мне не хотелось сказать ей: "Я никого к тебе не посылал". И воскликнул: "Слава Аллаху за то, что он соединил нас после мук ожидания, которые я вынес, и если бы ты заставила меня прождать еще минуту, я должен был бы сам бежать к тебе: я по тебе тоскую и очень тебя люблю".

И затем я сказал слуге: "Поддай воды!" И он принес котелок с горячей водой, чтобы девушка привела себя в порядок, и я велел ему лить воду ей на ноги, и сам принялся их мыть, а затем я приказал подать платье из роскошнейших одежд и одел девушку, после того как она сняла то, что на ней было. И мы сели, и я велел подать кушанья, но девушка отказалась от них, и я спросил: "Есть ли у тебя охота к питью?" И она отвечала: "Да!" – и выпила несколько кубков и спросила: "Кто будет петь?" – "Я, о госпожа", – ответил я. И девушка сказала: "Не хочу!" – "Кто-нибудь из моих невольниц", – сказал я. И девушка воскликнула: "Не желаю!" И я сказал: "Спой сама!" – но она молвила: "И я тоже не стану!" – "Кто же будет тебе петь?" – спросил я. И девушка молвила: "Выйди поищи, кто мне смог бы петь".

И я вышел, из покорности ей, но не имел надежды и был уверен, что никого не найду в такое время. И я шел до тех пор, пока не дошел до площади, и вдруг увидел слепого, который тыкал своей палкой в землю и говорил: "Да не воздаст Аллах тем, у кого я был, добром! Когда я пел, они не слушали, а когда молчал, они надо мной смеялись". – "Ты певец?" – спросил я его. И он ответил: "Да". И тогда я сказал: "Не желаешь ли ты закончить вечер у нас и развлечь нас?" – "Если хочешь, возьми меня за руку", – оказал он. И я взял его за руку и пошел к дому. "О госпожа, сказал я девушке, – я привел слепого певца, мы будем им наслаждаться, и он нас не увидит". – "Ко мне его!" – воскликнула она. И я ввел слепого и предложил ему кушанья, и он поел немного и вымыл руки, и затем я подал ему вино, и он выпил три кубка. "Кто ты будешь?" – спросил он потом. И я ответил: "Исхак, сын Ибрахима Мосульского". И тогда слепой сказал: "Я слышал о тебе, и теперь радуюсь, что разделил с тобой трапезу". – "О господин, – сказал я, – я радуюсь твоей радости". И слепец молвил: "Спой мне, о Исхак". И я взял лютню, дурачась, и сказал: "Слушаю и повинуюсь!" И когда я спел и песня окончилась, слепец сказал: "О Исхак, ты близок к тому, чтобы быть певцом!" И душа моя показалась мне ничтожной, и я откинул лютню. "Разве нет у тебя никого, кто бы хорошо пел?" – спросил слепец. "У меня есть невольница", – ответил я. И слепец сказал: "Прикажи ей спеть". – "А ты споешь, когда удостоверишься в том, как она поет?" спросил я. И слепец сказал: "Да!"

И когда девушка спела, слепец воскликнул: "Нет, ты не показала никакого искусства!" И девушка откинула лютню, разгневанная, и сказала: "То, что у нас было, мы отдали, и если у тебя есть что-нибудь, окажи нам этим милость.). – "Подайте мне лютню, которой не касалась рука", – сказал слепец.

И я велел слуге принести новую лютню, и слепец настроил ее и заиграл ни знакомый лад и начал петь, говоря, такое двестише:

"Летел, рассекая мрак, – а ночь так длинна была

Любимый, который знал часы посещения.

И вот нас встревожили привет и слова его:

"Войдет ли возлюбленный, стоящий у ваших врат?"

И девушка взглянула на меня искоса и сказала: "Тайну, которая была между нами, твоя грудь не сумела удержать даже и часа – ты поверил ее этому человеку".

И я стал ей клясться и извиняться перед ней и принялся целовать ей руки, щекотать ей груди и кусать щеки, пока она не засмеялась. И потом я обратился к слепому и сказал ему: "Спой, о господин".

И слепец взял лютню и пропел такие два стиха:

"Красавиц я посещал не редко, и часто я

Касался рукою пальцев, ярко окрашенных.

Гранаты я щекотал груди и покусывал

Округлое яблоко прекрасной щеки ее".

"О госпожа, кто его осведомил о том, что мы делали?" – спросил я, и девушка сказала: "Твоя правда!"

А потом мы отошли от слепого в сторону. И он сказал: "Я хочу помочиться!" И я крикнул: "Эй, слуга, возьми свечку и иди впереди".

И слепой вышел и задержался, и мы пошли его искать, но не нашли, и оказалось, что ворота заперты и ключи в кладовой. И не знали мы, на небо он поднялся или под землю опустился, и понял я тогда, что это – Иблис и что он был для меня сводником.

И потом девушка ушла, и я вспомнил слова Абу-Новаса, который сказал такие два стиха:

"Дивлюсь Иблису я с его гордостью

И мерзостью, которую он творит!

Из гордости не пал пред Адамом он,

И сводником он стал для детей его".